

ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА

* * *

СЕРГЕЙ НУБРИН
Родился в 1991 году
в Пензенской области.
По образованию юрист,
работает следователем.
Публикации в толстых лите-
ратурных журналах («Урал»,
«Волга», «Октябрь», «Сибир-
ские огни»), автор книги
«Между синим и зеленым»
(2019), лауреат междуна-
родной литературной премии
«Радуга», финалист литера-
турной премии «Лицей».

первое, что я сделаю, когда останусь жив
после конца света,
найду чистое место,
укроюсь тряпьем
и выплуюсь.

и только потом я отправлюсь
искать тебя,

любимая,

ты будешь где-то там,
на третьем этаже
старого разрушенного дома,
вся напуганная, грязная, чужая,
никому не нужная,

ты будешь держать в руках
горшок с цветком,
не потому, что любишь цветы,
а потому, что в цветке осталась жизнь,
и, значит, ты не одна,
значит, кто-то еще остался жив
рядом с тобой.

ты ведь не будешь знать,
что я уже иду,

а я и впрямь иду.

оказалось, что очень легко
преодолевать километры,
которые нас разделяли
и не хотели с нами зняться,

когда нет этих всех обязательств,
ежечасных звонков, передвижек,
ни одно, ни одно расстояние
не способно на что-то влиять.

когда я приближусь к дому,
ты будешь уже готова,
ты будешь уже согласна
на все.

и вот мы пойдем по дороге
на южный сместившийся полюс,
навстречу первому солнцу,
тогда и узнаем мы,

какие глаза у Бога,
какой же у Бога голос,
и как прекрасно, что больше,
не нужно больше идти.

и только тогда ты вспомнишь,
что в старом разрушенном доме,
на третьем твоём этаже,
остался горшок цветочный,
один-одинешенек, бедный,

с влажной – живой – землей.

и все-таки как же прекрасно,
что ты не любишь цветы.

* * *

Мы подошли из-за угла,
Но март не струсил.
Утыр – сидеть, вперед – *алга*,
Весна и мусор.

Салам алейкум, Бох не Бог,
Накажет сдуру.
Я, к сожалению, не смог
В литературу.

Весна пришла, и черный снег
Лежит на белом,
И жулик – тоже человек,
Большой и смелый.

В страницах уголовных дел
Никто не лишний.
Я сел за текст и отсидел,
И вышел.

* * *

помнишь, мы стояли
на перекрестке Свердлова
и Маршала Крылова,
ты еще сказала, что

(что-то такое сказала,
я уже не могу
вспомнить,
но после этого все как-то стало иначе,
я даже не могу объяснить, как и насколько).

ну, то есть действительно стало иначе:
полицейский сказал нам – здравствуйте,
медработник сказал нам – господи,
дядя Коля – алкаш из пятого –
ничего не сказал, но боже мой,
что-то было во всем этом господи,
что-то стало во всем этом здравствуйте,
только что это, что это было,
ну не знаю, но было же, ну.

тебя взяли под белые рученьки,
меня взяли за черные ходочки,
и еще там какое-то солнце
шло по нашим (твоим) пятам.

я тебя никогда не (да ладно уж),
ты меня никогда не (хорош уже),
гиппократам, домкратом, червонцами,
алюминиевым ментам.

мы стояли – потом – или некогда –
ты в хорошем весеннем платьице,
я в хорошем осеннем свитере,
и ничто не, ничто не, ничто.

* * *

Белым-бело, и водки больше снега,
И человека меньше, чем людей,
И мальчик с пальчик собирает лего,
И в тр-3 играет Yesterday.

Былая быль, прекрасное далёко,
И ломится на выход голова,
Чего, чего? А ну-ка, не чивокай,
А ну-ка, парни, делай раз и два!

И так и сяк, какой ты ничегошный,
Ни то ни се, одно сплошное да.
И слушать рад – прислушиваться тошно,
Да и служить, и водка в два ряда.